

О прозе
И. Грековой

ЖАЖДА ОТКРЫТОСТИ

И. ГРЕКОВА пишет вот уже тридцать лет, и, судя по всему, торжества ее пленяют мало и относится она к ним с улыбкой. Одному из ее героев праздничная суэта настолько опостылела, что едва она надвигается, как он уже тоскует о буднях.

Грекова любит смех, любит веселье, свойственное самой жизни, — непрогнозируемое и неподготовленное.

«Да, думала я, — размышляет рассказчица в «Дамском мастере», — ...нет ничего таинственнее смеха. Нет ничего неуловимее. В чем тут секрет? Для одного смешно, для другого — глупо. Для одного смешно, для другого — страшно. Для одного смешно, для другого — сучно...»

Непредсказуемость, невычислимость житейских ситуаций, отношений между людьми, цветущее разнообразие самого бытия — вот та материя, из которой скроены произведения И. Грековой. Жизнь загадочнее самой изощренной фантазии — таково, можно сказать, ее литературное кредо.

Но еще более существенно для И. Грековой то, что эта жизнь — серьезнее любых сказок о ней, любых мифов и притч. Продолжая сравнение ее прозы с цветущим разнообразием летнего луга, замечает, что ярче всего на нем выделяются цветы, похожие на поразивший Толстого репей из «Хаджи-Мурата». Достаточно вспомнить героиню «Вдовьего парохода», пианистку с переломанным позвоночником, искалеченными руками, человека, потерявшего всех своих близких, но сохранившего способность страдать и мучиться за всех тех людей, с которыми ее сводит судьба.

Рассказать о достоверности подобной жизни, с ее незаметными радостями и неотделимыми от них бедами, рассказать о ней так, как будто все слушающие — самые близкие автору люди и никого постороннего в его аудитории нет и быть не может, — это тот неотделимый от чувства ответственности риск, на который Грекова идет в каждом произведении.

Литература, как и жизнь, притягательна в основном не правилами, а исключениями из правил. В этих исключениях зачастую проявляется закономерность ее развития: нужное в искусстве возникает всегда неожиданно. Кто мог разглядеть в профессоре, докторе технических наук, одном из авторов солидного вузовского учебника по математике Елене Сергеевне Вентцель молодого прозаика И. Грекову (даже в

псевдониме созорничавшую: И. Грекова читается и как Игрекова — от широко используемой математикой буквы «игрек»)? Тем более, кто мог заподозрить, что этот профессор, преподаватель с внушительным стажем, будет участвовать в срыве «урока литературы»? Оглядываясь сейчас на нашу творческую жизнь второй половины 50-х годов, от этой вольной метафоры отказать трудно.

Грекова опубликовала в эти годы не так уж много вещей. Из них особенно запомнились те, что появились в «Новом мире» в 1962—1963 годах. Так что юбилей нынешнего года — двойной и даже тройной: 30 лет литературной деятельности и четверть века широкого читательского признания.

В 60-е годы самой популярной вещью И. Грековой был рассказ «Дамский мастер». Всех поразил необычный герой произведения ларикмахер Виталий Плавников с его какой-то странной бездуховной талантливостью.

Многочисленные попытки оценить этот образ как «положительный» или «отрицательный» ни к чему не привели и, как теперь ясно, не могли привести. В образе Виталика заложена принципиально неразрешимая противоречивость. Сходный образ будет потом исследован И. Грековой в развитии и постоянно окажется неоднозначным: черты Плавникова есть и в Гарусове из «Маленького Гарусова», и во Флягине из «Кафедры», и в других героях. Дело в том, что И. Грековой в «Дамском мастере» был уловлен даже не типичный образ, а связанное с ним какое-то изменение нравственного климата, уловлена важная для последующих поколений проблема.

Интересно в этом образе его парадоксальное содержание. Молодой человек, замкнутый на интересе к своей личности, на самом деле тоскует о справедливости и правде. Окружающие видят в нем прагматика, а для него самого в его юношеском эгоцентризме существенно лишь понятное ему одному отращивание к лицемерию и лжи. По существу, он такой же идеалист, как молодые герои Достоевского, которым важно «мысль разрешить». Неизвестно, чем обернется этот внутренний порыв, чем он чреват — парением или падением. Но его нужно так или иначе оценить, принять во внимание, особенно сознанию, сформировавшемуся, склонному поучать, а не учиться. То, что человек со сложившимися моральными критериями склонен принимать за грех и испорченность, чаще всего

— лишь отражение противоречий формирующейся личности, болезнь «роста души».

Коллизия «Дамского мастера», как и большинства последующих вещей И. Грековой, зиждется на том, что стремление к справедливому нравственному взгляду на мир не дает человеку никакого «патента на правоту». Как только он возомнит себя его обладателем, его подстерегает крах. В «Дамском мастере» это положение демонстрируется с прямотой. Марья Владимировна, рассказчица, для всех персонажей едва ли не воплощенная справедливость, вдруг обнаруживает за собой следующее:

«...Удивительно все-таки меняется психология в зависимости от обстоятельств. Это я говорю вот к чему. Когда я сама ждала у дверей зала и жирный мастер в зеленом галстуке принял кого-то без очереди, я орала и волновалась. Теперь я сама проходила и Виталию без очереди, а кто-то сзади орал и волновался и иногда требовал жалобную книгу. Тогда я смотрела на проходящих без очереди снизу вверх, теперь на стоящих в очереди — сверху вниз. Совсем другой ранурс. Вечная история».

Каждый из персонажей И. Грековой постоянно борется за справедливость, за нравственную точку зрения на жизнь. И самая главная беда для них наступает тогда, когда они перестают сомневаться в своей правоте. Ограниченность, косность, по И. Грековой, — это и есть уверенность в собственной праведности, в неизбежности благоприобретенной точки зрения на жизнь. Вот один из характернейших в этом отношении диалогов:

— Слушай, Поля, а ты когда-нибудь ошибалась? — спросила Лялька.

— Нет. А как это: ошибалась?

— Очень просто. Была ты когда-нибудь неправой?

Поля честно подумала и ответила скромно:

— Не вспомню. Будто не была».

Поля из рассказа «Летом в городе» — человек неграмотный и ни на что, кроме квартирных склок, не влияющий. Гораздо драматичнее сюжет «Кафедры», романа, в котором симпатичные и образованные люди, сами о том не подозревая, превращаются в беспощадных гонителей «кинонравственного», по их мнению, персонажа. Главные сотрудники кафедры, наследники гуманнейшего ученого, успешно выжидают нового заведующего Флягина. Флягиным мог бы стать повзрослевший Виталий Плавников, а его противница Нина Асташова — это все та же Марья Владимировна, через пятнадцать лет (роман написан в 1977 году) ставшая еще привлекательнее, чем была когда-то. Но и перед лучшими людьми стоит все та же проблема — не оскотенеть, не стать догматиками в таком тонком и важном для каждого живущего среди людей деле, как нравственность и мораль.

В произведениях И. Грековой все драмы, и порой тяжелейшие драмы, разыгрываются без злодеев и негодяев — среди простых добрых людей. Поодиночке все они хороши, и каждый по-своему прав. Больше того. Все они, за редкими исключениями, мужественные люди. Но они еще не научились по-настоящему понимать друг друга. Попросту не научились ставить себя на чужое место. Преодоление всех этих драм связано у И. Грековой с обретением героями чувства доверия к окружающим, с жадой открытости жизни. Метафорически ярко это выражено в финале «Кафедры», когда Нина Асташова вдруг почувствовала, что изгнанный ею Флягин «удаляясь, ...становился не меньше, а больше». Она прозревает: если твой близкий удаляется, он удаляется и по твоей вине. Герои И. Грековой рано или поздно это осознают.

Проза И. Грековой допускает неоднозначность толкований избранных ею сюжетов. В ней всегда господствует множественность точек зрения и на события, и на самих персонажей. В этом раскрывается ее философия — философия открытого доверия к бытию, к людям, сколько бы они ни ошибались и как бы тревожно ни жили в разные времена.

Андрей АРЬЕВ

ЛЕНИНГРАД